

И.И. ВВЕДЕНСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК РОМАНОВ Ч. ДИККЕНСА

Т.Л. Кононова

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: kononova55@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматривается история переводов на русский язык произведений Ч. Диккенса, переводческая деятельность и взгляды Иринарха Ивановича Введенского. Автор акцентирует внимание на спорных вопросах теории и практики И. Введенского, оценке его деятельности И.А. Каишкиным и К.И. Чуковским.

***Ключевые слова:** переводческая деятельность, И. Введенский, романы Ч. Диккенса, Е. Ланн, художественный перевод.*

Первые переводы романов Ч. Диккенса в России начали публиковать в 1830-х гг. в журналах «Сын Отечества» и «Библиотека для чтения». Они были сокращенные, маловыразительные, без деления на главы, характеры героев искажались, фамилии переводчиков часто не указывались. С творчеством Чарльза Диккенса русский читатель по-настоящему познакомился благодаря переводам Иринарха Ивановича Введенского. Его личность заслуживает особого внимания.

Он родился 21 ноября 1813 г. в Петровске Саратовской губернии, получил образование в Пензенском духовном училище, затем в Саратовской семинарии. В 1834 г. он поступил в Московскую духовную академию, где изучал европейские языки, в 1840 г. переехал в Петербург, где начал сотрудничать с журналом «Библиотека для чтения» в качестве переводчика и критика. В 1842 г. И.И. Введенский окончил философский факультет университета и начал преподавать русский язык и словесность. От усиленной работы его зрение ослабело, затем он ослеп; скончался 14 июня 1855 г.

В конце 1840-х гг. перевод стал его основным занятием. Его главный вклад в русскую культуру – перевод романов Ч. Диккенса и У.М. Теккерея. Именно И.И. Введенский познакомил русского читателя с произведениями Ч. Диккенса. С 1847 по 1852 г. он перевел три романа Диккенса: «Торговый дом под фирмой “Домби и сын”» («Dealings with the Firm of Dombey and Son», 1847–1848), «Замогильные записки Пиквикского клуба» («The Posthumous Papers of the Pickwick Club», 1836–1837) и «Давид Копперфильд» («The Personal History of David Copperfield», 1849–1850), а также повесть «Договор с привидением» («The Haunted Man», 1848).

Переводческая деятельность И.И. Введенского – исключительное явление для своего времени. Отметим, что определенной теоретической концепции прозаического перевода в России в то время не существовало. Впервые теоретиком прозаического перевода выступил именно Иринарх Иванович Введенский. В журнале «Отечественные записки» он изложил свои принципы перевода: «...При художественном воссоздании писателя даровитый переводчик прежде и главнее всего обращает внимание на дух этого писателя, сущность его идей и потом на соответствующий образ выражения этих идей. Сбираясь переводить, вы должны вчитаться в вашего автора, вдуматься в него, жить его идеями, мыслить его умом, чувствовать его сердцем и отказаться на это время от своего индивидуального образа мыслей. Перенесите этого писателя под то небо, под которым вы дышите, и в то общество, среди которого развиваетесь, перенесите и предложите себе вопрос: какую бы форму он сообщил своим идеям, если б жил и действовал при одинаковых с вами обстоятельствах?» [Отечественные записки 1851, т. 78: 70].

Введенский выучил английский язык самостоятельно. Овладение иностранным языком он связывал с проникновением в жизнь другого народа: «Изучать жизнь какого бы то ни было народа значит – изучать его жизнь, историю, нравы и обычаи, домашний, юридический, общественный быт... Тот не знает языка, кто не знает жизни народа!» [там же: 68]. По сути, его принцип перевода был реалистическим. Он заключался в сопоставлении стилистических систем двух языков, опирался на сравнение историко-культурных традиций двух народов. Его целью было найти функциональные соответствия, адекватные средства, которые произвели бы то же впечатление на читателя в новой языковой среде. Это были первые подступы к реалистическому переводу, еще очень несовершенные. Теория и практика Введенского допускала адаптацию, распространение авторского текста, за что его критиковали и что сейчас считается недопустимым. Он пытался сохранить национальный колорит текстов Диккенса и Теккерея и одновременно сроднить с отечественной литературой.

И.И. Введенский старался сделать повествование как можно более эмоциональным и выразительным, как можно ярче представить мысль или образ, созданные автором. Занимаясь поисками адекватных средств выражения, он использовал все доступное ему богатство родной речи, что способствовало развитию русского литературного языка.

Введенский стремился передать действия, мысли и чувства героев английского романа в форме, которая была бы близка читателям. Это проявлялось в употреблении просторечных фразеологизмов, которые Введенский иногда вводил по собственной инициативе. Например, «задать туза» (в оригинале «*thmash*», искаженное «*smash*» – «бить изо всех сил»), «захрапеть во всю носовую отвертку» (в оригинале «*such a snore as only the*

nose of innocence can produce»), «типун тебе на язык» (в оригинале «shut your mouth»).

Иринарх Иванович восхищался английской литературой. Он считал, что английский роман имеет «неоспоримое первенство над романом французским и вообще над романом всех образованных наций», потому что «жизнь действительная во всех ее подробностях, жизнь мануфактурных заведений, жизнь долговых тюрем Англии, жизнь адвокатских контор и много других, так сказать, неизменных условий разных неизвестных английских кружков составляют любимые точки опоры для вдохновения английских романистов». Девизом английских романистов является истина, что «сделало из английского романа самое верное воспроизведение жизни действительной, более верное, нежели исторические мемуары» [Отечественные записки 1851, т. 77: 33–34].

Настоящее признание среди русских читателей Ч. Диккенс получил лишь после опубликования его романов в переводах Введенского. В декабре 1847 г., когда перевод «Домби и сына» печатался в «Современнике», В.Г. Белинский писал Боткину: «Это что-то уродливо, чудовищно прекрасное! Такого богатства фантазии на изобретение резко, глубоко, верно нарисованных типов я и не подозревал не только в Диккенсе, но и вообще в человеческой натуре. Теперь для меня Диккенс – совершенно новый писатель, которого я прежде не знал» [Белинский 1956: 445–446].

Споры о переводах И.И. Введенского продолжались почти столетие: эта полемика отразила развитие взглядов русских читателей на вопросы теории перевода. Критикуя Введенского за распространение авторского текста, так называемые «отсебятины», К. Чуковский отдавал должное его таланту переводчика: «И все же мне милы его переводы. Пусть у него много ошибок, но без него у нас не было бы Диккенса: он единственный из старых переводчиков приблизил нас к его творчеству, окружил нас его атмосферой, заразил нас его темпераментом. Он не понимал его слов, но он понял его самого. Он не дал нам его буквальных выражений, но он дал нам его интонации, его жесты, его богатую словесную мимику. Мы услышали подлинный голос Диккенса – и полюбили его. Введенский в своих переводах словно загримировался под Диккенса, усвоил себе его движения, походку. Он не воспроизвел его букв, но воспроизвел его манеру, стиль, ритмику. Эта буйная стремительность необузданных фраз, которые несутся по страницам, как великолепные кони, передана им превосходно. Положительно, он и сам был Диккенсом – маленьким, косноязычным, но Диккенсом. Конечно, отсебятина – недопустимая вещь, но иные отсебятины Введенского до такой степени гармонируют с текстом, что их жалко вычеркивать. И кто знает, вычеркнул ли бы их сам Диккенс, если бы они попались ему под перо!» [Чуковский [http](http://)].

Вот что писал о переводах И. Введенского советский переводчик, литературовед, теоретик художественного перевода Иван Александрович Кашкин: «Русские переводы Диккенса имеют свою длинную историю. Одним из первых стал переводить Диккенса на русский язык его современник Иринарх Введенский. Он «загреб первый жар», ухватил в Диккенсе самую суть, передал живую интонацию, характерность, юмор, динамику писателя, заставил русского читателя полюбить Диккенса. Переводы Введенского во многих отношениях являются тем, что Белинский называл «поэтическим переводом». Но уж такая у Введенского была широкая натура – «что в печи, все на стол мечи». И он стал угощать читателя «подовыми пирогами» и застольными песнями собственного изготовления. Голос у него был сильный, но необработанный, хохот оглушительный, «подовые пироги» неудобоваримые, а отсебятины перевода были порой навязчивы и несносны» [Кашкин 1977: 375].

Особенным нападкам переводы Введенского подверглись в 30-е годы XX в., когда переводчики стремились передать все элементы подлинника, что приводило к копированию языковых особенностей. Наглядно данная тенденция представлена в теории и переводческой практике Е.Л. Ланна (1896–1958). Отметим, что вплоть до 1950 г. все переводы Диккенса осуществлялись под руководством Е. Ланна. Он избегал истолкования неясностей в тексте, не допускал русицизмов, не опускал ни одного слова.

И.А. Кашкин подверг теорию Ланна острой критике из-за проявления формализма и буквализма. По его мнению, переводчики должны знать элементы грамматического строя языка, чтобы понимать смысл текста, однако он не считал обязательным воспроизводить в художественном переводе формы чужого языка. «Зато индивидуальный стиль автора, творческое использование им выразительных средств своего языка должно быть воспроизведено в переводе как можно полнее, поскольку именно этим может быть донесена до читателя идейная и художественная сущность подлинника, индивидуальное и национальное своеобразие автора» [Кашкин 1977: 378].

И.А. Кашкин считает, что буквализм «зарезал смех» у Диккенса, автора, у которого «каждая фраза улыбается», и приводит в качестве примера следующие выражения: *он занимает место на вершине и макушке общества; он в ужасном состоянии любви; превосходная людоедка; весьма отполированная лысина; она подбодрила его одной из своих любимых конечностей – локтем; сезонистая погода* [там же: 394].

В подтверждение приведем несколько отрывков из романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» в переводе

И. Введенского и Е. Ланна¹, предоставив читателям сделать собственные выводы.

Many authors entertain, not only a foolish, but a really dishonest objection to acknowledge the sources whence they derive much valuable information. We have no such feeling. We are merely endeavouring to discharge, in an upright manner, the responsible duties of our editorial functions; and whatever ambition we might have felt under other circumstances to lay claim to the authorship of these adventures, a regard for truth forbids us to do more than claim the merit of their judicious arrangement and impartial narration. The Pickwick papers are our New River Head; and we may be compared to the New River Company. The labours of others have raised for us an immense reservoir of important facts. We merely lay them on, and communicate them, in a clear and gentle stream, through the medium of these pages, to a world thirsting for Pickwickian knowledge.

Перевод И. Введенского	Перевод А. Кривцовой и Е. Ланна
<p>Многіе писатели придерживаются обыкновенія скрывать отъ взоровъ публики тѣ источники, откуда почерпаются ихъ свѣдѣнія. За нами отнюдь не водится такихъ грѣховъ, и совѣсть наша прозрачна, какъ кристалль. Мы стараемся только добросовѣстно выполнить принятую на себя обязанность издателей, и больше ничего. Разумѣется, что и говорить, намъ пріятно было бы похвастаться первоначальнымъ изобрѣтеніемъ всѣхъ этихъ приключеній; но глубокое уваженіе къ истинѣ заставляеть насъ признаться откровенно, что мы просто – чужими руками жаръ загребаемъ. Дѣловыя бумаги Пикквикскаго клуба всегда были и будутъ нашею главною рѣкою, откуда чистыми и свѣтлыми струями изливаются въ нашу книгу самые важные и назидательные факты, которые мы, къ удовольствію читателя, обязаны приводить въ самый строгій, систематическій порядокъ.</p>	<p>Многие писатели проявляют не только неразумное, но и поистине позорное нежелание отдавать должное тем источникам, из которых они черпают ценный материал. Нам такое нежелание чуждо. Мы лишь стремимся честно исполнить ответственную обязанность, вытекающую из наших издательских функций; и сколь бы при других обстоятельствах честолюбие ни побуждало нас притязать на авторство по отношению к этим приключениям, уважение к истине воспрещает нам претендовать на что-либо большее, чем заботливое приведение их в порядок и беспристрастное изложение. Пиквикские документы являются нашим Нью-Риверским водоемом, а нас можно было бы сравнить с Нью-Риверской компанией. Трудями других создан для нас огромный резервуар существеннейших фактов. Мы же только подаем их и пускаем чистой и легкой струей при помощи этих выпусков – на благо людей, жаждущих пиквикской мудрости.</p>

¹ Перевод И. Введенского приводится в старой орфографии из современного переиздания (Ч. Диккенс «Замогильные записки Пиквикского клуба». Перевод И. Введенского. М.: Директ-Медиа, 2012. 1114 с.), перевод Е. Ланна – из издания Ч. Диккенс «Посмертные записки Пиквикского клуба». Перевод А.В. Кривцовой и Евгения Ланна. М.: Гослитиздат, 1954. 750 с.

A very old lady, in a lofty cap and faded silk gown – no less a personage than Mr. Wardle’s mother – occupied the post of honour on the right-hand corner of the chimney-piece; and various certificates of her having been brought up in the way she should go when young, and of her not having departed from it when old, ornamented the walls, in the form of samplers of ancient date, worsted landscapes of equal antiquity, and crimson silk tea-kettle holders of a more modern period. The aunt, the two young ladies, and Mr. Wardle, each vying with the other in paying zealous and unremitting attentions to the old lady, crowded round her easy-chair, one holding her ear-trumpet, another an orange, and a third a smelling-bottle, while a fourth was busily engaged in patting and punching the pillows which were arranged for her support. On the opposite side sat a bald-headed old gentleman, with a good-humoured, benevolent face – the clergyman of Dingley Dell; and next him sat his wife, a stout, blooming old lady, who looked as if she were well skilled, not only in the art and mystery of manufacturing home-made cordials greatly to other people’s satisfaction, but of tasting them occasionally very much to her own. A little hard-headed, Ripstone pippin-faced man, was conversing with a fat old gentleman in one corner; and two or three more old gentlemen, and two or three more old ladies, sat bolt upright and motionless on their chairs, staring very hard at Mr. Pickwick and his fellow-voyagers.

Перевод И. Введенского	Перевод А. Кривцовой и Е. Ланна
<p>На почетномъ мѣстѣ, по правую сторону камина, въ мягкихъ креслахъ на колесахъ, сидѣла старая леди въ полиняломъ шелковомъ платьѣ и высокомъ чепцѣ: это была достопочтенная родительница м-ра Уардля. По стѣнамъ и на столикѣ около нея расположены были разныя драгоценныя вещицы, полученныя ею въ различные періоды ея жизни отъ своихъ домашнихъ, во первыхъ въ доказательство того, что они помнятъ день ея рожденія, а потомъ, какъ видимые знаки, того что они еще не дожили до ея кончины. Тетушка и двѣ молодыя дѣвицы, стараясь наперерывъ угодить почтенной леди, окружили ея кресло со всѣхъ сторонъ: одна приставляла къ ея уху слуховой рожокъ, другая давала ей нюхать пузырекъ съ духами, третья усердно взбивала подушку за ея спиной. На противоположной сторонѣ возсѣдалъ лысый старичокъ, съ добрымъ и веселымъ лицомъ, пасторъ изъ Динглиделль, а подлѣ него расположилась его цвѣтущая половина,</p>	<p>Очень старая леди в величественном чепце и выцветшем шелковом платье – не кто иная, как мать м-ра Уордля, – занимала почетное место в углу, справа от камина; стены были украшены предметами, свидетельствовавшими о том, что в молодости она была воспитана подобающим образом и о своем воспитании не забыла и на старости лет, – тут были весьма древние вышивки, шитые шерстью пейзажи такой же давности и алые шелковые покрывки на чайник более современного происхождения. Тетка, две юных леди и м-р Уордль соперничали друг с другом, ревностно и неустанно оказывая знаки внимания старой леди: одна держала ее слуховой рожок, другая – апельсин, третья – флакон с нюхательной солью, а четвертый усердно поправлял и взбивал подушки, водруженные за ее спиной. Против нее, по другую сторону камина, восседал лысый старый джентльмен с благожелательным выражением лица – священник Дингли-Делла, а рядом с ним – его жена, полная, румяная старая леди, у которой был такой вид, словно она не только постигла искусство и тайну домашнего изготовления ароматных настоек на благо и</p>

<p>пожилая леди съ красными щеками, мастерица готовить ликеръ и наливки для домашняго обихода. Въ одномъ углу краснощекийъ мужчина среднихъ лѣтъ разговаривалъ съ толстымъ старичкомъ, безпрестанно дѣлая пояснительные и дополнительные жесты. Всѣ другіе члены джентльменской гостиной – нѣсколько паръ стариковъ и старушекъ – сидѣли неподвижно на своихъ стульяхъ и внимательно осматривали пріѣзжихъ гостей.</p>	<p>удовольствие ближним, но и сама при случае весьма не прочь была их отвратить. В одном углу человек, с лицом пронизательным и похожим на рипстонский ранет, беседовал с толстым старым джентльменом, и еще две-три пожилых леди неподвижно сидели навтыжку, пристально разглядывая м-ра Пиквика и его спутников.</p>
--	--

Как видим, несмотря на то, что Введенский довольно вольно обращается с текстом Диккенса, его перевод намного интереснее. Е. Ланн дает пояснения в конце книги (например, Нью-Риверский водоем, Рипстонский ранет), что не очень удобно для читателя. У Введенского вместо собственных имен – образ главной реки с чистыми светлыми струями и краснощекий мужчина.

В.Г. Белинский писал: «Правило для перевода художественных произведений одно – передать дух переводимого произведения, чего нельзя сделать иначе, как передавши его на русский язык так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским» [Белинский 1953: 427]. Как видим, это вполне согласуется со взглядами на перевод И. Введенского, который понимал своеобразие Диккенса, сумел дать почувствовать читателю эмоциональную окраску оригинала, его ритм. Его переводы сделаны живым, свободным от всякой дословности языком.

О популярности переводов Введенского можно судить по тому, что его перевод «Записок Пиквикского клуба» (вышли впервые в 1850 г. под названием «Замогильные записки Пиквикского клуба») в течение 80 лет считался классическим и переиздавался в 1871, 1875, 1884, 1891 и 1898 гг. Об актуальности его переводов свидетельствует также их переиздание в 2012 и 2016 гг.

В 1933 г. в издательстве «Academia» вышли «Посмертные записки Пиквикского клуба» в переводе А. Кривцовой и Е. Ланна. Основная ценность издания – в комментариях, вышедших отдельным томом. Их подготовил русский философ, психолог, теоретик искусства, переводчик философской и художественной литературы, комментатор и редактор художественной литературы Густав Густавович Шпет (26 марта [7 апреля] 1879, Киев – 16 ноября 1937, Томск). Этот выдающийся ученый с трагической судьбой знал семнадцать языков и имел фундаментальное гуманитарное образование (историко-филологический факультет Киевского университета св. Владимира), стоял у истоков философской герменевтики в отечественной науке. Комментарий Густава Шпета не

утратил своего историко-литературного значения и в настоящее время. Целью Г.Г. Шпета было ввести своих соотечественников в художественный мир Диккенса, он создал уникальный путеводитель по Англии первой трети XIX столетия. Это издание романа было единственным, где его фамилия значилась на титуле не только в качестве редактора, но и переводчика. Последующие переиздания эту фамилию не воспроизводили, поскольку Шпет был объявлен «врагом народа», 27 октября 1937 года арестован, обвинён в участии в антисоветской организации и 16 ноября расстрелян. В 1956 году был посмертно реабилитирован.

Таким образом, в историю отечественной культуры И. Введенский вошел как переводчик, который не только дал возможность русским читателям познакомиться с произведениями английских писателей, но и пробудил в обществе интерес к творчеству английских романистов. Достоинства, как и недостатки переводов И. Введенского, пошли на пользу русской переводческой школе и могут служить учебником для переводчиков.

В заключение процитируем И.А. Кашкина: «Национальная форма передается не искажением языка, на который переводится данное художественное произведение, не прилаживанием этого языка к чужим грамматическим нормам, не гримировкой, костюмерией и бутафорией “под местный колорит”. Национальная форма передается глубоким проникновением в самую суть национального своеобразия народа, убедительным раскрытием того, как общность психического склада нации выражается в ее языке, и того, как в литературе это осложняется индивидуальным своеобразием стиля автора и изображаемого персонажа» [Кашкин 1977: 391].

Библиографический список

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. 755 с. С. 427.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 593 с. С. 445–446.

Кашкин И.А. Для читателя-современника. Статьи и исследования. 2-е изд. М.: Сов. писатель, 1977. 560 с.

Отечественные записки. 1851. Т. 77. № 7. Отд. 6. С. 33–34.

Отечественные записки. 1851. Т. 78. № 9. Отд. 8. С. 70.

Чуковский К.И. Высокое искусство [Электронный ресурс]. URL: <http://itexts.net/avtor-korney-ivanovich-chukovskiy/217824-vysokoe-iskusstvo-korney-chukovskiy/read/page-19.html> (дата обращения: 06.06.2018).